

АННА АХМАТОВА

АННА АХМАТОВА
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

St

АННА АХМАТОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

P2
A95

**Составление и примечания
Л. СОЛДАТОВОЙ**

**Рисунки
В. БРОДСКОГО**

© Издательство «Детская литература», 1977 г.
Состав, оформление.

70803— 178
А — — — — — 42Р—77
М101(03)—77

Поэзия Анны Ахматовой

Есть в окрестностях Ленинграда небольшой уютный городок, именовавшийся когда-то Царское Село. В советское время он получил новое имя — город Пушкин. Все говорит здесь о лицейской юности поэта. Он и сейчас, отлитый в бронзе скульптором Р. Бахом, сидит на скамье в лирической задумчивости.

Старинные парки, неразлучно связанные со многими именами, прославившими нашу литературу, темно-зеленым полукольцом охватывают городок. Здесь, в тенистых липовых аллеях, меланхолично прогуливался Жуковский. В одном из «кавалерских домиков», соседствующих с Екатерининским дворцом, писал свою «Историю государства Российского» Карамзин. В казармах Гусарского полка скучал Чаадаев. Тютчев, уже на закате своего пути, совершал здесь ежедневные прогулки вдоль большого овального озера, любуясь пышным великолепием осенних садов. . .

С этим пушкинским городком, с его парками и прудами, со всей атмосферой истории и искусства естественно сплелась литературная судьба одного из выдающихся поэтов нашего времени — Анны Ахматовой.

Вот как начинается она свои автобиографические записи: «Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой (Большой фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет. Мои первые воспоминания — царскосельские. . .»

В Царском Селе девочка-подросток Аня Гóренко, которой предстояло стать поэтом Анной Ахматовой, писала в ученической тетрадке свои первые стихи, еще не помышляя о будущей известности. Сюда возвращалась она и в зрелые годы. Образ этого городка так же, как и полюбившийся ей навсегда величественный город на Неве, неоднократно возникает в ее стихах.

Стихотворный язык Анны Ахматовой всегда стремился к смысловой ясности и точности. Даже в ранних ее стихах не было ничего нарочитого, надуманного. Быть может, именно юношеские впечатления от царскосельских дворцов и парков сыграли в этом свою роль и во многом определили самую фактуру ее творческого почерка.

Литературный путь Анны Ахматовой, начавшийся еще в дореволюционные годы и завершившийся в советское время (она умерла 5 марта 1966 года), был длительным и нелегким. С самого начала поэзия ее отличалась исключительной правдивостью поэтического слова. В своих стихах она говорила о том, что являлось подлинной жизнью ее сердца и ума.

В это время в России существовало немалое количество поэтических школ и течений. Все они спорили, даже враждовали друг с другом на публичных диспутах и на журнальных страницах. Прилавки книжных магазинов пестрели обложками новых стихотворных сборников. Впервые появлявшиеся в печати поэты стремились перещеголять

соперников эстетской изысканностью речи. Их стихи отличались намеренной изощренностью. Все естественное и непосредственно выраженное представлялось слишком элементарным.

Афиши возвещали о предстоящих литературных вечерах и диспутах. Буржуазная публика в ожидании очередного литературного скандала, какими нередко заканчивались выступления футуристов или поэзо-концерты Игоря Северянина, охотно шла на подобные сборища.

На этом пестром и разноречивом фоне поэзия Анны Ахматовой сразу же заняла особое место уравновешенностью тона и четкостью мыслевыражения. Чувствовалось, что у молодого поэта свой голос, своя, присущая этому голосу, интонация.

В предреволюционную поэзию лирика Ахматовой вошла свежей струей искреннего чувства. Верная заветам Пушкина, Ахматова с самого начала творческого пути стремилась к простым и точным образам.

Вот ее стихи о Пушкине-лицеисте. В них всего восемь строк, но и из них образ юного поэта выступает необыкновенно живо:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грусти берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышимый шестест шагов.

Иглы сосен густо и колючко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Как удачно выбрано слово «лелеем»! Не «слышим», не «помним», а именно лелеем, то есть любовно бережем в своей памяти. Аллеи, озеро, сосны — живые приметы царскосельского парка. Глубокое раздумье Пушкина выра-

жено двумя малыми деталями: он отбросил от себя недочитанную книгу, и она рядом с лицейской треуголкой лежит на земле. Следует добавить, что строка «Еле слышный шелест шагов» подбором самих звуков прекрасно передает шелест — возможно, от осенней опавшей листвы.

В художественной системе Ахматовой умело выбранная деталь, примета внешней обстановки всегда наполнены большим психологическим содержанием¹. Через внешнее поведение человека, его жест Ахматова раскрывает душевное состояние своего героя.

Вот один из примеров. В небольшом стихотворении речь идет о ссоре между любящими:

Сжала руки под темной вуалью. . .
«Отчего ты сегодня бледна? »
— Оттого, что я терпкой печалью
Наполнила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот. . .
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Стихотворение делится на две неравные части. Первая часть (первая строфа) — драматический зачин, ввод в действие. (вопрос: «Отчего ты сегодня бледна?»). Все дальнейшее — ответ в виде страстного, все ускоряющегося

¹ Эта особенность, сближающая стихи Ахматовой с приемами русской реалистической прозы XIX века, в свое время была отмечена первыми проныновскими исследователями ее поэзии — В. М. Жирмунским и Б. М. Эйхенбаумом.

рассказа, который, достигнув высшей точки («Уйдешь, я умру»), резко прерывается нарочито будничной, обидно прозаической репликой: «Не стой на ветру».

Смятенное состояние героев этой маленькой драмы передано не длительным объяснением, а выразительными частностями их поведения: «вышел, шатаюсь», «искривился рот», «сбежала, перил не касаясь» (передает быстроту отчаянного бега), «крикнула, задышась», «улыбнулся спокойно» и т. д.

Драматизм положений сжато и точно выражен в резком противопоставлении горячему порыву души нарочито будничного, оскорбительно спокойного ответа.

Для изображения всего этого в прозе понадобилась бы, вероятно, целая страница. А поэт обошелся всего двенадцатью строчками, передав в них всю глубину переживания героев.

Заметим попутно: сила поэзии — краткость, величайшая экономия выразительных средств. Сказать многое в немногом — вот один из заветов подлинного искусства. И Ахматова училась этому у нашей классики, в первую очередь у Пушкина, Баратынского, Тютчева, а также у своего современника, земляка по Царскому Селу Иннокентия Анненского, большого мастера естественной речевой интонации и афористического стиха.

Возвращаясь к прочитанному стихотворению, можно заметить еще одну его особенность. Оно полно движения, в нем события непрерывно следуют одно за другим. Эти двенадцать кратких строк легко превращаются даже в киносценарий, если разбить их на кадры. Вышло бы примерно так. Вступление: вопрос и краткий ответ. I часть. О н. 1. Вышел, шатаюсь. 2. Его горькая улыбка (крупный план). II часть. О н а. 1. Бежит по лестнице, «перил не касаясь». 2. Догоняет его у ворот. 3. Ее отчаянье.

4. Последний ее выкрик. III часть. О н. 1. Улыбка (спокойная). 2. Резкий и обидный ответ.

Получается выразительный психологический киноэтиюд, в котором внутренняя драма передана чисто зрительными образами.

Однако Ахматова не была бы выдающимся поэтом, если бы оставалась в кругу только камерных переживаний. Беспокойное ощущение эпохи несомненно коснулось и ее, казалось бы, замкнутого мира.

А время было тревожное: шатались вековые устои Российской империи, гибли в жестокой войне люди, близилась пора огромных социальных потрясений. Тыловой же, высокопоставленный и чиновный Петербург продолжал свою обычную жизнь, стараясь забыть о том, что происходит на западных границах государства.

По Невскому текли праздные толпы. Среди ведомственных фуражек, котелков и модных дамских шляп то тут, то там были вкраплены золотые погоны новоиспеченных прапорщиков и кокетливо повязанные белые косынки сестер милосердия. Холеные кони, обгоняя извозчиков, катили щегольские экипажи. Городовые на перекрестках отдавали честь знатным особам. Сверкали витрины модных магазинов. Бросались в глаза пестрые афиши театров, кинематографов, цирка. По вечерам призывно светились вывески ресторанов и игорных клубов — пристанища крупных спекулянтов и дельцов. На каждом шагу висели плакаты «Военного займа», а газеты крупными заголовками кричали о «войне до победного конца».

В поэзии того времени громко звучали фанфары официального патриотизма. Им противостоял тревожный и честный голос Ал. Блока.

Анна Ахматова, которую уже привыкли считать поэтом камерных переживаний, также задумывалась о судьбе,

выпавшей на долю народа. У нее есть стихотворение о первом дне империалистической войны — «Памяти 19 июля 1914». В нем такие строки: «Вдруг запестрела тихая дорога, Плач полетел, серебряно звеня... Закрыв лицо, я умоляла бога До первой битвы умертвить меня. Из памяти, как груз отныне лишней, Исчезли тени песен и страстей...» Знаменательны слова о том, что дороги родины заполнены толпами призывных, гонимых на фронт и что их провожает плач и стон осиротевших деревень! Поэт ощущает эти минуты народного бедствия как перелом в своей личной судьбе: «лишним грузом души» и тенью подлинной жизни кажутся отныне прежние песни и прежние страсти.

Конечно, лирика любовных переживаний продолжает жить в ахматовских стихах, но теперь она сочетается с темой разбуженной тревоги, которая остается на все годы, приближающие страну к порогу великих социальных перемен и катастроф. И рождена эта тревога чувством истинного патриотизма, которое, углубляясь и расширяясь, становится одним из основных мотивов ахматовского творчества.

Не сразу Анна Ахматова могла разобраться в величии и значительности социальных перемен, принесенных Октябрьской Революцией. Но свойственная ей любовь к Родине никогда не отделялась у нее от мыслей о судьбах народа. Она твердо знала, что в эти исторические дни надо быть на родной земле, со своим народом, а не искать спасения за рубежом, как это сделали многие из ее прежнего круга. Еще в 1917 году она писала:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

.

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Уже пользовавшаяся широкой известностью до Октября, поэзия Анны Ахматовой постепенно дошла и до нового читателя. И приобрела не менее широкую известность.

Личная жизнь Ахматовой складывалась нелегко. У нее немало было на пути горя и болезней, да и сама любовь ее прошла ряд трудных испытаний. Но нигде в ее стихах не встретишь горьких жалоб и пассивного подчинения судьбе. Все, что выпало на долю, она несет с чувством высокого достоинства, с гордо поднятой головой, верная своему служению Поэзии. В грозные годы Великой Отечественной войны, в блокаду Анна Ахматова делила с ленинградцами все трудности. Ее выступления по радио проникнуты уверенностью в том, что «вражье знамя растает, как дым», что мужество ленинградцев выдержит все испытания. Как весомо, значительно, гордо звучат слова ее стихотворения «Клятва», написанного в июле 1941 года!

Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

А почти год спустя, едва ли не в самые трудные дни, ленинградцы могли прочесть на плакатах, наклеенных на стенах домов, ахматовские стихи «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Перед звериным лицом надвигающегося на город фашизма, стремящегося уничтожить, растоптать не только

героический Ленинград, но и всю многовековую культуру нашего народа, Ахматова с непоколебимой твердостью духа продолжает свою клятву:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И звукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Эти гордые уверенные слова неоднократно звучали в военные годы в концертных залах, с эстрады, на фронтовых выступлениях профессиональных чтецов и армейской самодеятельности.

Ольга Берггольц писала об Ахматовой: «Как я помню ее около чугунной ограды Фонтанного дома, бывшего Шереметевского дворца! С лицом, замкнутым в суровости и гневности, с противогазом через плечо, она несла дежурство, как рядовой боец противовоздушной обороны. Она шила мешки для песка, которыми обкладывали траншеи-убежища в саду того же Фонтанного дома, под кленом, воспетом ею в «Поэме без героя».

Ахматова долго отказывалась от эвакуации. Даже больная, истощенная дистрофией, она не хотела покидать «гранитный город славы и беды». Только повинуясь настоячивой заботе о ней, Ахматова наконец эвакуируется самолетом в Ташкент. Но и там, под небом Средней Азии, мысленно возвращалась она к терпящему беды вражеского окружения героическому городу. Чувство Родины, впервые увиденной ею с самолета на долгом воздушном пути, явилось для нее как бы новым этапом творческого постижения жизни. Тон ее стихов обретает особую торжественность и убедительность. Безмерно расширяется круг

наблюдений и размышлений. Это была уже полная зрелость духа и то, что можно назвать мудростью жизненного опыта.

Ахматовой этого времени в высокой степени присуще чувство историзма. Действие в ее стихах происходит как бы на фоне больших исторических событий современности, хотя, как и прежде, стихи остаются искренней исповедью души.

С особым подъемом встретила Ахматова победу над фашизмом. Но победа далась ценою великих усилий и жертв. Об этом нельзя было забыть и в дни всеобщего ликования. Для Ахматовой, с ее острым ощущением текущего времени, радость от того, что со славой завершено великое народное дело, неотделима от памяти о недавно миновавших грозных испытаниях. И когда она обращается словами сердца к возрожденной советской Родине, голос ее звучит с суровой торжественностью:

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!

Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

Послевоенные годы — последний период в творческой жизни Анны Ахматовой. Она много работает. Обращаясь к своему прошлому, она теперь воспринимает его как частицу общей истории нашей страны. Привычный ей лиризм сочетается с аналитическим изображением ушедшей в прошлое эпохи. Приметливым взором не только поэта, но и историка вглядывается Ахматова в прошлое. С зоркостью взыскательного художника находит она выразительные приметы быта предреволюционного времени, как бы подготавливая себя к работе над большим эпическим полотном — «Позмой без героя», — подобно тому,

как это делал Ал. Блок в своей работе над поэмой «Возмездие».

Человек большой культуры и широких познаний, Ахматова легко и свободно дышала воздухом мирового искусства. Ей близки были Гомер, Вергилий, поэты древней Греции и Рима. Данте она читала на итальянском языке. Мастерски переводила славянских поэтов, стихи средневековой Корен, не говоря уже о хорошо знакомой ей французской литературе. Прекрасно знала Шекспира, Байрона, английских поэтов XIX века. Но основным ее пристрастием оставалась классика русской поэзии, и в первую очередь Пушкин, которому она, по ее словам, «была обязана всем». Знаменательно, что Ахматова много лет занималась углубленным изучением пушкинского наследия. Ей принадлежит ряд научных исследований, ставших ценным достоянием советского пушкиноведения.

* * *

Анна Андреевна Ахматова — один из замечательных поэтов нашего времени. Ее исключительное лирическое дарование не только тонко передавало душевные состояния человека, но и чутко откликалось на большие события народной жизни.

Творчество Анны Ахматовой — это поэзия высокого строя и отточенного словесного мастерства. Верная наследница заветов Пушкина, она по праву занимает в дружной семье советских поэтов одно из самых достойных мест. То, что сделано Анной Ахматовой на протяжении долголетнего творческого пути, — неотъемлемая часть глубоко человеческой советской культуры.

В с. Рождественский

*Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.*

А. Ахматова

ИЗ КНИГИ «ВЕЧЕР»

La fleur des vignes pousse
Et j'ai vingt ans ce soir.

André Theuriet ¹

олюсь оконному лучу —

Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомыльнике моем
Позеленела медь,
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храmine пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

1909

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь, —
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

1909

Киев

2

И как будто по ошибке
Я сказала: «Ты...»
Озарила тень улыбки
Милые черты.
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестер.

1909

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

1910

**Из цикла
«В ЦАРСКОМ СЕЛЕ»**

II

**...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.**

**И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.**

1911

III

**Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.**

**Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.**

1911

Царское Село

* * *

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу.
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне холодно. . . Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

1911

Царское Село

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

1911
Киев

* * *

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

В узких каналах уже не струится —
Стынет вода.
Здесь никогда ничего не случится, —
О, никогда!

Ива на небе вустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.

1911
Киев

* * *

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.

1911
Царское Село

* * *

Хочешь знать, как все это было? —
Три в столовой пробило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это все... Ах, нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!» —
«Да».

1910
Киев

Из цикла «ОБМАН»

II

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка. . .
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?

*1910
Киев*

IV

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.

Смолк отдаленный рожок,
В сердце все те же загадки,
Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.

Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тому, кто привык веселиться.

Милым простила губам
Я их жестокую шутку...
О, вы приедете к нам
Завтра по первопутку.

Свечи в гостиной зажгут,
Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.

1910
Царское Село

* * *

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.

Замечаю все как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.

1911
Царское Село

САД

Он весь сверкает и хрустит,
Обледенелый сад.
Ушедший от меня грустит.
Но нет пути назад.

И солнца бледный тусклый лик —
Лишь круглое окно;
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят
Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

1911

Царское Село

МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы все —
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу от зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

1911
Царское Село

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

**Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.**

**Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:**

**«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.**

**Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».**

**Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.**

**Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.**

**А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»**

*1910
Царское Село*

РЫБАК

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.

Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочат крабы,
Выползая на песок.

Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Все сильнее биенье крови
В теле, раненном тоской.

1911

* * *

Мурка, не ходи, там суч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычь,
Дедушка услышит.
Няня, не горит свеча,
И скребутся мыши.
Я боюсь того сыча,
Для чего он вышит?

1911

ИЗ КНИГИ «ЧЕТКИ»

*Прости ж навек! но знай,
что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих,
в преданиях любовных.*

Баратынский

на ступеньки встретить

Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.

Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона!
Как странен голос твой!»

В камине гаснет пламя,
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок

И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О милые улики,
Куда мне спрятать вас?

И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.

1913

* * *

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

1912

Царское Село

* * *

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводненья в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —

Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок божий — так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

1914

* * *

Покорно мне воображение
В изображении серых глаз.
В моем тверском уединенье
Я горько вспоминаю вас.

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели вы,

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильнее скупает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

1913
Слепнево

* * *

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

1913

Царское Село

* * *

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

* * *

М. Лозинскому

Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.
И я поверила, что есть прохладный снег,
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

1913

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

1912

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господя моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

1913

* * *

Вижу выцветший флаг над таможей
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

1913

* * *

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

1913

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпении
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, —

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

* * *

Знаю, знаю — снова лыжи
Сухо заскрипят.
В синем небе месяц рыжий,
Луг так сладостно покат.

Во дворце горят окошки,
Тишиной удалены.
Ни тропинки, ни дорожки,
Только проруби темны.

Ива, дерево русалок,
Не мешай мне на пути!
В снежных ветках черных галок,
Черных галок приюти.

1913

Царское Село

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Замечает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе,
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

1912

.

* * *

Александру Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

Январь 1914

ИЗ КНИГИ «БЕЛАЯ СТАЯ»

Горю и ночью дорога светла.

Анненский

УЕДИНЕНИЕ

Как много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю.
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

1914

Слепнево

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

Она сначала обожжет,
Как ветерок студеный,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.

И злomu сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.

Я только сею. Сбирать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о боже!

А чтоб тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленней.

1916
Слепнево

* * *

Муза ушла по дороге
Осенней, узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.

Я долго ее просила
Зимы со мной подождать,
Но сказала: «Ведь здесь могила,
Как ты можешь еще дышать?»

Я голубку ей дать хотела,
Ту, что всех в голубятне белей,
Но птица сама полетела
За стройной гостьей моей.

Я, глядя ей вслед, молчала,
Я любила ее одну,
А в небе заря стояла,
Как ворота в ее страну.

1915
Царское Село

* * *

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем, что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

1915

Царское Село

* * *

М. Лозинскому

Они летят, они еще в дороге,
Слова освобожденья и любви,
А я уже в предпесенной тревоге,
И холоднее льда уста мои.

Но скоро там, где жидкие березы,
Прильнувши к окнам, сухо шелестят, —
Венцом червонным заплетутся розы,
И голоса незримых прозвучат.

А дальше — свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уже душистым раскаленным ветром
Сознание мое опалено.

1916

Слепнево

* * *

Все отнято: и сила и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.

Веселой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит,
Изнеможенная, на грудь мою.

И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.

1916
Севастополь

* * *

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу — зренье,
Или актеру — голос и движенье,
А женщине прекрасной — красоту?

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены — и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушные толпы.

1915

Слепнево

* * *

Черная вилась дорога,
Дождик моросил,
Проводить меня немного
Кто-то попросил.
Согласилась, да забыла
На него взглянуть,
А потом так странно было
Вспомнить этот путь.
Плыл туман, как фимиамы
Тысячи кадил.
Спутник песенкой упрямо
Сердце бередил.
Помню древние ворота
И конец пути —
Там со мною шедший кто-то
Мне сказал: «Прости...»
Медный крестик дал мне в руки,
Словно брат родной...
И я всюду слышу звуки
Песенки степной.
Ах, я дома как не дома —
Плачу и грущу.
Отзовись, мой незнакомый,
Я тебя ищу!

1913

* * *

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты — столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты — как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон. . .

1916

* * *

И мнится — голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна —
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина.

1917

Слепнево

* * *

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый. . .
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь, —

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

1915

Слепнево

* * *

Как площади эти обширны,
Как гулки и круты мосты!
Тяжелый, беззвездный и мирный
Над нами покров темноты.

И мы, словно смертные люди,
По свежему снегу идем.
Не чудо ль, что ныне пробудем
Мы час предразлучный вдвоем?

Безвольно слабеют колени,
И кажется, нечем дышать...
Ты — солнце моих песнопений,
Ты — жизни моей благодать.

Вот черные зданья качнутся
И на землю я упаду, —
Теперь мне не страшно очнуться
В моем деревенском саду.

1917
Петербург

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Н. В. Н.

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав незябнувшие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно-обнаженной.

1916

* * *

Н. В. Н.

Все мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдно рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.

И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос как песня звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

1915

* * *

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай —
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.

Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады,

И орла Екатерины
Вдруг узнали — это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.

Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла

И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой.

1916

Севастополь

* * *

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.

Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моем затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мной сегодня птицы говорят.

Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.

1916

Слепнево

МАЙСКИЙ СНЕГ

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

1916

Слепнево

* * *

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?

Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам...
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

1915
Слепнево

* * *

Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.

Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный Летний сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.

1917

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915

Петербург

* * *

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья —
Хранилища бессмертного труда.

Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне — как льдинка в пенистом вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.

1916

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня. . .
Закрыв лицо, я умоляла бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей,
Ей — опустевшей — приказал всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

1916

Слепнево

* * *

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

1915

Слепнево

* * *

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

1915
Царское Село

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

1917

Петербург

* * *

Юлии Анреп

Судьба ли так моя переменилась,
Иль вправду кончена игра?
Где зимы те, когда я спать ложилась
В шестом часу утра?

По-новому, спокойно и сурово,
Живу на диком берегу.
Ни праздного, ни ласкового слова
Уже промолвить не могу.

Не верится, что скоро будут святки.
Степь трогательно зелена.
Сияет солнце. Лижет берег гладкий
Как будто теплая волна.

Когда от счастья томной и усталой
Бывала я, то о такой тиши
С невыразимым трепетом мечтала
И вот таким себе я представляла
Посмертное блуждание души.

*Декабрь 1916
Севастополь*

* * *

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно — веселье и оно — страданье.

Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознания,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.

1916

Слепнево

ИЗ КНИГИ «ПОДОРОЖНИК»

*Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе.*

Пушкин

разу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.

Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих.
Где веселье, где забота,
Где ты, ласковый жених?

Не нашелся тайный перстень,
Прождала я много дней,
Нежной пленницею песня
Умерла в груди моей.

1917
Слепнево

* * *

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

1917

Слепнево

* * *

Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву.
Но ни звука в чаще свежей...
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.

1919
Царское Село

* * *

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!

1917

Слепнево

* * *

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.

Январь 1917

* * *

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

Январь 1917

НОЧЬЮ

Стоит на небе месяц, чуть живой,
Средь облаков струящихся и мелких,
И у дворца угрюмый часовой
Глядит, сердясь, на башенные стрелки.

Идет домой неверная жена,
Ее лицо задумчиво и строго,
А верную в тугих объятьях сна
Сжигает негасимая тревога.

Что мне до них? Семь дней тому назад,
Вздохнувши, я прости сказала миру.
Но душно там, и я пробралась в сад
Взглянуть на звезды и потрогать лиру.

1918

Москва

* * *

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка.
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыхание,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917

ИЗ КНИГИ «ANNO DOMINI»

В те баснословные года...

Тютчев

БЕЖЕЦК

там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь...
И город был полон веселым рождественским
звоном.

1921

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час. . .
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922
Петербург

* * *

Слух чудовищный бродит по городу,
Забирается в дома, как тать.
Уж не сказку ль про Синюю Бороду
Перед тем, как засну, почитать?

Как седьмая всходила на лестницу,
Как сестру молодую звала,
Милых братьев иль страшную вестницу,
Затаивши дыханье, ждала...

Пыль взметается тучею снежною,
Скачут братья на замковый двор,
И над шеей безвинной и нежною
Не подымется скользкий топор.

Этой сказкою нынче утешена,
Я, наверно, спокойно усну.
Что же сердце колотится бешено,
Что же вовсе не клонит ко сну?

1922

* * *

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,
В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.

Даже мертвые нынче согласны прийти.
И изгнанники в доме моем.
Ты ребенка за ручку ко мне приведи,
Так давно я скучаю о нем.

Буду с милыми есть голубой виноград.
Буду пить ледяное вино
И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно.

1922

* * *

За озером луна остановилась
И кажется отворенным окном
В притихший, ярко освещенный дом,
Где что-то нехорошее случилось.

Хозяина ли мертвым привезли,
Хозяйка ли с любовником сбежала,
Иль маленькая девочка пропала
И башмачок у заводи нашли. . .

С земли не видно. Страшную беду
Почувствовав, мы сразу замолчали.
Заупокойно филины кричали,
И душный ветер буйствовал в саду.

1922

Из цикла
«БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ»

ЛОТОВА ЖЕНА

*Жена же Лотова оглянулась
позади его и стала соляным столпом.
Книга Бытия*

И праведник шел за посланником бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть

На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Взглянула, и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

1924

* * *

Хорошо здесь: и шелест и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

1922

СКАЗКА О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ

1

Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».

2

Я друзьям моим сказала:
«Горя много, счастья мало», —
И ушла, закрыв лицо;
Потеряла я кольцо.
И друзья мои сказали:
«Мы кольцо везде искали,
Возле моря на песке
И меж сосен на лужке».
И, догнав меня в аллее,
Тот, кто был других смелее,
Уговаривал меня
Подождать до склона дня.

Я совету удивилась
И на друга рассердилась,
Что глаза его нежны:
«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похвалиться
Да цветы сюда носить».
Всем велела уходить.

3

И, придя в свою светлицу,
Застонала хищной птицей,
Повалилась на кровать
Сотый раз припоминать:
Как за ужином сидела,
В очи темные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный,
Как взглянул в мое лицо,
Встал и вышел на крыльцо.
.....
Не придут ко мне с находкой!
Далеко над быстрой лодкой
Заалели небеса,
Забелели паруса.

1917 — 1936

* * *

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студёные, влажные дни?..
Изумрудною стала вода замутнённых каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнее.
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу
мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный
подснежник.
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

1922

* * *

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг
прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред, —

Затем что он понижит жгучим ядом
Ваш благодостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

1921

ИЗ КНИГИ «ТРОСТНИК»

Я играю в них во всех пяти.

Б. П.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

М. Лозинскому

очти от залетейской тени

В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары.
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, —
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летою
Тростник оживший зазвучал.

Май 1940

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

ХУДОЖНИКУ

**Мне все твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.**

**Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.**

**Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..**

**Там стану я блаженною навеки,
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.**

1924

* * *

Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

1927

Кисловодск

* * *

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929

* * *

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

Я говорю: «Твое несу я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.

И снова черный масляничный вечер,
Зловещий парк, неслышный бег коня
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,
По древней подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.

1935

Фонтанный Дом

ПОЭТ

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.

В лиловой мгле покоятся задворки.
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.

Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоем
И вдруг притихнет, — это значит, он
Пугливо пробирается по хвоем,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.

И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.

И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец?

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф, —

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

19 января 1936

* * *

Годовщину последнюю празднуй —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы — той, алмазной —
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем — не пойму.

Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх.

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.

1939

* * *

Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду.
И ты смеешься беззаботным смехом.
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

1938

* * *

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова.
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

1939

Фонтанный Дом

**Из цикла
«РАСПЯТИЕ»**

II

**Магдалина билась и рыдала.
Ученик любимый каменел.
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.**

*1943
Ташкент*

ИВА

*И дряхлый пук дерев.
Пушкин*

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.

1940

* * *

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.

1940

РАЗРЫВ

1

Не недели, не месяцы — годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.

Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.

1940

2

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней.
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.

Нам, иступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.

1944

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, —
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что бог не спас.

1934

ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941 ГОДА

Cadran solaire ¹ на Меншиковом доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!
Как щелочка, чернеет переулок.
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных прогулок
Соленый привкус — тоже не беда.

1941

¹ Cadran solaire (франц.) — солнечные часы. — Прим. ред.

ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ

В санях сидя, отправляясь путем всея земли. . .
Поучение Владимира Мономаха
детям

1

Прямо под ноги пулям,
Расталкивая года,
По январям и июлям
Я проберусь туда. . .
Никто не увидит ранку,
Крик не услышит мой,
Меня, китежанку,
Позвали домой.
И гнались за мною
Сто тысяч берез,
Стеклянной стеною
Струился мороз.
У давних пожарищ
Обугленный склад.
«Вот пропуск, товарищ,
Пустите назад. . .»
И воин спокойно
Отводит штык.
Как пышно и знойно
Тот остров возник!

И красная глина,
И яблочный сад...
Из аквамарина
Пылает закат.
Тропиночка круто
Взбиралась, дрожа.
Мне надо кому-то
Здесь руку пожать...
Но хриплой шарманки
Не слушаю стон.
Не тот китежанке
Послышался звон.

2

Окопы, окопы —
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города...
И вот уже Крыма
Темнеет гряда.
Я плакальщиц стаю
Веду за собой.
О, тихого края
Плащ голубой!..
Над мертвой медузой
Смущенно стою:
Здесь встретилась с Музой,
Ей клятву даю.

Но громко смеется,
Не верит: «Тебе ль?»
По капелькам льется
Душистый апрель.
И вот уже славы
Высокий порог,
Но голос лукавый
Предостерег:
«Сюда ты вернешься,
Вернешься не раз,
Но снова споткнешься
О крепкий алмаз.
Ты лучше бы мимо,
Ты лучше б назад,
Хулима, хвалима,
В отеческий сад».

3

Вечерней порою
Сгущается мгла.
Пусть Гофман со мною
Дойдет до угла.
Он знает, как гулок
Задушенный крик
И чей в переулок
Забрался двойник.
Ведь это не шутки,
Что двадцать пять лет
Мне видится жуткий
Один силуэт.

«Так, значит, направо?
Вот здесь, за углом?
Спасибо!» — Канава
И маленький дом.
Не знала, что месяц
Во все посвящен.
С веревочных лестниц
Срывается он,
Спокойно обходит
Покинутый дом,
Где ночь на исходе
За круглым столом
Гляделась в обломок
Разбитых зеркал
И в груди потемок
Зарезанный спал.

4

Чистейшего звука
Высокая власть,
Как будто разлука
Натешилась всласть.
Знакомые зданья
Из смерти глядят —
И будет свиданье
Печальней стократ
Всего, что когда-то
Случилось со мной...
За новой утратой
Иду я домой.

Черемуха мимо
Прокралась, как сон,
И кто-то «Цусима!»
Сказал в телефон.
Скорее, скорее —
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток...
Там ласточкой реет
Старая боль...
А дальше темнеет
Форт Шаброль,
Как прошлого века
Разрушенный склеп,
Где старый калека
Оглох и ослеп.
Суровы и хмуры,
Его сторожат
С винтовками буры.
«Назад, назад!!»

Великую зиму
Я долго ждала,
Как белую схиму
Ее приняла.
И в легкие сани
Спокойно сажусь...

Я к вам, китежане,
До ночи вернусь.
За древней стоянкой
Один переход. . .
Теперь с китежанкой
Никто не пойдет,
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених, —
Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих,
Оброненный нищим
И поднятый мной. . .
В последнем жилище
Меня упокой.

Март 1940
Фонтанный Дом

ИЗ СБОРНИКА «СЕДЬМАЯ КНИГА»

*Пала седьмая завеса тумана, —
Та, за которой приходит весна.*

Т. К.

Из цикла
«ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»

1. ТВОРЧЕСТВО

ывает так: какая-то истома;

В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

1936

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

1940

3. МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.

4. ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И, чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блещущих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И все — у ночной тишины.

1959

Комарово

5. ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет!
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеямило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,

Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший зной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

1959
Комарово

6. ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.

Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.

А есть и такие: средь белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в эвраге.

А вот еще: тайное бродит вокруг —
Не звук и не цвет, не цвет и не звук, —
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.

Но это! . . по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка — любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.

И я не знавала жесточе беды.
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него. . . умираю.

1959

Ленинград

7. ЭПИГРАММА

Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить. . .
Но, боже, как их замолчать заставить!

1958

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счета
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

1942

Ташкент

* * *

А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других, —
Когда уже совсем неинтересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко,
И, кажется, сам автор
Уже начало повести забыл,
И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге,
Но вот сейчас, сейчас
Все кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Еще старается быть остроумным
Или язвит — прости его господь! —
Прилаживая пышную концовку,
Такую, например:
...И только в двух домах
В том городе (название неясно)
Остался профиль (кем-то обведенный
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны,
И, говорят, когда лучи луны —
Зеленой, низкой, среднеазиатской —
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова.

Но это чудо всем поднадоело,
Приезжих мало, местные привыкли,
И, говорят, в одном из тех домов
Уже ковром закрыт проклятый профиль.

23 ноября 1943

Ташкент

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть? . .

1943

Ташкент

* * *

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.

1944

Ленинград

УЧИТЕЛЬ

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованьем,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленье —
И задохнулся...

1945

ИЗ ЦИКЛА «ВЕТЕР ВОЙНЫ»

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

*Июль 1941
Ленинград*

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в грома влажность есть
Высоких свежих облаков
И вождение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

Сентябрь 1941

* * *

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.

28 сентября 1941

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942

Ташкент

NOX

СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!

В звездном покрывале,

В траурных маках, с бессонной совой...

Доченька!

Как мы тебя укрывали

Свежей садовой землей.

Пусты теперь Дионисовы чаши,

Заплаканы взоры любви...

Это проходят над городом нашим

Страшные сестры твои.

1942

* * *

1

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучись кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда. . .
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

23 апреля 1942
Ташкент

* * *

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних. . .
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних. . .
Все они опочили там.

1943

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки, —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, —
Внуки, братики, сыновья!

29 февраля 1944

Ташкент

* * *

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!

Ведь все равно — вы с нами! . .
Все на колени, все!

Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

1942

Дюрмень

* * *

Справа раскинулись пустыри
С древней, как мир, полоской зари,

Слева, как виселица, фонари.
Раз, два, три...

А надо всем еще галочий крик
И помертвелого месяца лик
Совсем ни к чему возник.

Это — из жизни не той и не той,
Это — когда будет век золотой,

Это — когда окончится бой,
Это — когда я встречусь с тобой.

29 апреля 1944
Ташкент

ПРИЧИТАНИЕ

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарою.
За версту я обойду
Ленинградскую беду.
Я не взглядом, не намеском,
Я не словом, не попреком,
Я земным поклоном
В поле зеленом
Помяну.

*1944
Ленинград*

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

8 ноября 1945

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скупелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь — трезвит и сушит
Их всесжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя страдальческая тень.

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз, —
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

1946

Ленинград

ПОБЕДА

1

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.

1942

2

Вспыхнул над молом первый маяк,
Других маяков предтеча, —
Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.

3

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, —
Так мы долгожданной ответим.

1942—1945

**Из цикла
«ЛУНА В ЗЕНИТЕ»**

6

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется божья милость
С непререкаемых высот,

Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны.
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

1944

8

Как в трапезной — скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим...
Все равно...

**И зацветает ветка над стеною.
И в этом сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.**

1945

СМЕРТЬ

1

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

2

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разною ценой...
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах — и страшная минута
Прощания с моей родной страной.

1942

Дюрмень

* * *

Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни
На краешке окна и духота кругом,
Когда закрыта дверь, и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов, —
Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепелюсь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

1944

Ташкент

* * *

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выразнили подспудное
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

С САМОЛЕТА

1

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
Я знала: это все мое —
Душа моя и тело.

2

Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

3

И весеннего аэродрома
Шелестит под ногой трава.
Дóма, дóма, — ужели дома!
Как все ново и как знакомо,
И такая в сердце истома,
Сладко кружится голова...
В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

Май 1944

**Из цикла
«ВЕРЕНИЦА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ»**

* * *

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.

1945

К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падучая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем — никогда.

* * *

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

* * *

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

1962

ТРИ ОСЕНИ

Мне летние просто невяжны улыбки,
И тайны в зиме не найду.
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.

И первая — праздничный беспорядок
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно клочья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Все влажно, пестро и светло.

И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Страхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.

Но эта бывает — чуть начата повесть.
Секунда, минута — и вот
Приходит вторая, бесстрашна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.

Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...

И в волнах холодных его фамииама
Сокрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось — и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.

1943

Ташкент

* * *

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

1921

* * *

Прошло пять лет, — и залечила раны,
Жестокой нанесенные войной,
Страна моя,
и русские поляны
Опять полны студеной тишиной.

И маяки сквозь мрак приморской ночи,
Путь указуя моряку, горят.
На их огонь, как в дружеские очи,
Далеко с моря моряки глядят.

Где танк гремел — там ныне мирный трактор,
Где был пожар — благоухает сад,
И по изрытому когда-то тракту
Автомобили легкие летят.

Где елей искалеченные руки
Взывали к мщенью — зеленеет ель,
И там, где сердце ныло от разлуки, —
Там мать поет, качая колыбель.

Ты стала вновь могучей и свободной,
Страна моя!

Но живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.

Для мирной жизни юных поколений,
От Каспия и до полярных льдов,
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.

Май 1950

Из цикла
«ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ»
(Из сожженной тетради)

* * *

And thou art distant in humanity.
Keats ¹

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер, жесткий и сухой,
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

1961

4

ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА

Таинственной невестречи
Пустынны торжества,
Несказанные речи,
Безмолвные слова.
Нескрещенные взгляды
Не знают, где им лечь.
И только слезы рады,
Что можно долго течь.

¹ А ты находишься далеко среди людей. Ките (англ.). — Прим. ред.

Шиповник Подмосковья,
Увы! при чем-то тут...
И это все любовью
Бессмертной назовут.

1956

5

ДРУГАЯ ПЕСЕНКА

*Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той невестречи
Шиповник посажу.*

Как сияло там и слово
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

1956

7

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской...

Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

8

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, ни утолит поэт, —
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год.
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был черен невский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла. . .
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

13

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.

18 декабря 1964. Ночь

Г.м

* * *

Н. П.

**И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя,
Все кончено. . . И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.**

1953

Из цикла
«ПОЛНОЧНЫЕ СТИХИ»

*Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит. . .*

Решка

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.

Лето 1963

4

ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК

И наконец ты слово произнес
Не так, как те. . . что на одно колено —
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.

И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8—12 августа 1963

5
ЗОВ

В которую-то из сонат
Тебя я спрячу осторожно.
О! как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне
Хотя бы на одно мгновенье...
Твоя мечта — исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине.

1 июля 1963

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

А там, где сочиняют сны,
Обоим — разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нем как приход весны.

1965

ИЗ ЦИКЛА «НЕЧЕТ»

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней.
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И всё похоже на аллею
У царскосельского пруда.

1958
Комарово

МУЗЫКА

Д. Д. Ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

1957—1958

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

1959

Ленинград

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...

Пушкин

1

О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!...
Здесь был фонтан, высокие аллен,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

1945

2

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.

Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов, —
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

1957

Москва

РИСУНОК НА КНИГЕ СТИХОВ

Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий венок.
А под ним тот профиль горбатый,
И парижской челки атлас,
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

1958

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там все теперь сияет, все в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока. . .

1944—1950

2

И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.

И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

1960 (?)

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

1946

АНТИЧНАЯ СТРАНИЧКА

І. СМЕРТЬ СОФОКЛА

Тогда царь понял, что умер Софокл.

Легенда

На дом Софокла в ночь слетел с небес орел,
И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада.
А в этот час уже в бессмертье гений шел,
Минуя вражий стан у стен родного града.
Так вот когда царю приснился страшный сон:
Сам Дионис ему снять повелел осаду,
Чтоб шумом не мешать обряду похорон
И дать афинянам почтить его отраду.

1961

ІІ. АЛЕКСАНДР У ФИВ

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
Когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы».
И старый вожь узрел тот город горделивый,
Каким он знал его еще когда-то встарь.
Все, все предать огню! И царь перечислял
И башни, и врата, и храмы — чудо света,
Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
«Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта».

1961

Ленинград

ПАМЯТИ ПОЭТА

1

Как птица мне ответит это.

Б. П.

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

1960

Москва

II

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела.
И одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела —
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он вышнюю волей храним.

11 июня 1960

Москва, Боткинская больница

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА

Девятисотые годы

А в переулке забор дощатый...

Н. Г.

Настоящую оду
Нашептало... Постой,
Царскосельскую одурь
Прячу в ящик пустой,
В роковую шкатулку,
В кипарисный ларец,
А тому переулку
Наступает конец.
Здесь не Темник, не Шуя —
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шаггал.
Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугулки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет.
И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы
Появиться могли
Голубые сугробы
С Петербургом вдали.

Здесь не древние клады,
А дощатый забор,
Интендантские склады
И извозничий двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадает гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка
И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадьею.
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир...
А на розвальнях правил
Великан кирасир.

1961

Комарово

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

*И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.*

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,

Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим

Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

1961

Ленинград

КОМАРОВСКИЕ НАБРОСКИ

О, Муза Плача. . .

М. Цветаева

**. . .И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом, хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.**

**Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.**

**Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины. . .
Это — письмо от Марины.**

1961

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

1962

Комарово

СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ

Все в жертву памяти твоей. . .

Пушкин

П Е Р В А Я ПРЕДЫСТОРИЯ

Я теперь живу не там. . .

Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «André»
И пышные гроба: «Шумилов-старший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятых, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом,
Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут — Некрасов
И Салтыков. . . Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.

А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах...
Все разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене — рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,—
Ненужный дар моей жестокой жизни...
Страну знобит, а омский каторжанин
Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

ВТОРАЯ
О ДЕСЯТЫХ ГОДАХ

И никакого розового детства. . .
Веснушечек, и мишек, и кудряшек,
И добрых тетя, и страшных дядя, и даже
Приятелей среди камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины.
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь:
Она передо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина.
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить;

И тем сильней хотелось пробудиться,
И знала я, что заплачú сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, — но длилась пытка счастьем.

4 июля 1955

Москва

ТРЕТЬЯ

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина свет патриархальный,
Ни колыбелька моего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены...
Не уменьшало это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время, как мы, замолчав, старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого «они» по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают всё, скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

ЧЕТВЕРТАЯ

Так вот он — тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо — как пылающая бездна,
И звуки города — как с того света
Услышанные, чуждые навеки.
Как будто все, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Тем, навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет — пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Все равно. Не надо...
Не надо было мне себя уверить,
Что это все случалось много раз,
И не со мной одной — с другими тоже,
И даже хуже. Нет, не хуже — лучше.
И голос мой — и это, верно, было
Всего страшней — сказал из темноты:
«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...
Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

П Я Т А Я

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала
И сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
И сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит. . .
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь не надо вспоминать.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу.

Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетанье слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянет
Меня в несостоявшуюся жизнь.

В таком году произошло бы то-то,
А в этом — это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознанием
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой. . .

.

Но если бы оттуда посмотрела
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец. . .

2 сентября 1945
Фонтанный Дом

Ш Е С Т А Я

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола —
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный. . .
Но это продолжается недолго. . .
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,

Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век — и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходит тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Все к лучшему...

1943—1953

* * *

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

1964

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ**

жар по вечерам, и утром вялость,
И губ потрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она — последняя усталость,
Так вот оно — преддверье царства славы.

Гляжу весь день из круглого окошка:
Белеет потеплевшая ограда
И лебедю заросла дорожка,
И мне б идти по ней — такая радость.

Чтобы песок хрустел и лапы елок —
И черные и влажные — шуршали,
Чтоб месяца бесформенный осколок
Опять увидеть в голубом канале.

Декабрь 1913

* * *

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые руки припадут.

О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей души последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза.

О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу.

1925

* * *

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.

Водою пахнет резеда
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома.

ПОДВАЛ ПАМЯТИ

Но это вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется — опять глухой обвал
Уже по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
А знаю, что иду туда, к врагу.
И я прошу, как милости... Но там
Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. Экая беда!
Нельзя мне показаться никуда.
Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два зеленых изумруда.
И кот мяукнул. Ну, идем домой!

Но где мой дом и где рассудок мой?

1940

Из цикла
«ЮНОСТЬ»

Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
И старше была я века
Ровно на десять лет.

А на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким,
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...

А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,
Феерией grand-gala... ¹

¹ *Пышное торжество (франц.). — Прим. ред.*

От дома того — ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.

Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною,
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Раскаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Баболовского дворца.

1940

* * *

И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею,
Высоких белоствольных тополей.
А этот первый — этот самый главный,
В величии своем самодержавный,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.

Январь 1944

Ташкент

* * *

De profundis...¹ Мое поколение
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколение,
Освещали твой страшный путь.

23 марта 1944

Ташкент

¹ Из бездны (взываю) (лат.). — Прим. ред.

**Из цикла
«ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»**

* * *

**Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.**

4 сентября 1956

* * *

Забудут? — Вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слепа,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

21 февраля 1957
Ленинград

НАСЛЕДНИЦА

От царскосельских лип. . .

Пушкин

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:
Фелицу, лебедя, мосты
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

1959

Ленинград

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Что отдал — то твое.

Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала!
Как в негашеной извести горю
Под сводами зловонного подвала.

Я притворюсь беззвучною зимой
И вечные навек захлопну двери,
Но все-таки узнают голос мой,
И все-таки ему опять поверят.

13 января 1959

Ленинград

* * *

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете, —
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы, —
Мне прислали по одной копейке, —
Стала б я «богаче всех в Египте»,
Как говаривал Кузмин покойный...
Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой,
И я стала всех сильнее на свете —
Так что даже это мне не трудно.

1960

СЛУШАЯ ПЕНИЕ

Женский голос как ветер несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется,
Все становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечет,
Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлет.

19 декабря 1961

* * *

Не мудрено, что не веселым звоном
Звучит порой мой непокорный стих
И что грущу. Уже за Флегетоном
Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! Осталось вас немного, —
Мне оттого вы с каждым днем милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.

3 марта 1958
Болшево

ИЗ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

* * *

Жить — так на воле,
Умирать — так дома.
Волково Поле,
Желтая солома.

22 июня 1941

(День объявления войны)

* * *

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина.

8 ноября 1943

Ташкент

* * *

Что́ войны, что́ чума? — конец им виден скорый.
Их приговор почти произнесен,
Но как вам быть с тем ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречен?

1962

ПРИМЕЧАНИЯ

La fleur des vignes pousse
Et j'ai vingt ans ce soir

André Theuriot (стр. 17)

Цветок виноградной лозы растет, и мне сегодня вечером двадцать лет.
Андре Тёрье (*франц.*).

«Смуглый отрок бродил по аллеям...» (стр. 21)

Парни Эварист (1753—1814) — французский поэт. Пушкин в лицейские годы был увлечен поэзией Парни.

«...И на ступеньки встретить...» (стр. 36)

Сандрильона — героиня французской сказки. В русском варианте — Золушка.

«Он длится без конца — лютарный, тяжкий день!...» (стр. 43)

Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт и переводчик. Друг Ахматовой. Ему посвящены стихотворения: «Они летят, они еще в дороге...», «Надпись на книге» и др., а также воспоминания: «Слово о Лозинском».

ВЕНЕЦИЯ (стр. 51)

Золотая голубятня у воды. — Имеется ввиду собор св. Марка в Венеции, на площади возле которого кормят голубей.

С книгой лев — герб Венеции.

«Я пришла к поэту в гости...» (стр. 52)

Стихотворение написано после посещения А. А. Блока. Ему посвящен цикл «Три стихотворения» и «Воспоминания об А. Блоке».

У морских ворот Невы. — А. А. Блок жил в доме № 57 по Офицерской улице (ныне ул. Декабристов), возле предпортовых окраин города.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ (стр. 66)

Н. В. Н. — Николай Владимирович Недоброво (1884—1919). Поэт. Друг Ахматовой. Автор первой большой, и, как считала сама Ахматова, лучшей, статьи о ее творчестве.

«Все мне видится Павловск холмистый...» (стр. 67)

Кифаред — скульптура в Павловском парке, изображающая Аполлона — бога света, покровителя музыки и поэзии — в виде юноши, играющего на кифаре.

МАЙСКИЙ СНЕГ (стр. 70)

Царь Давид — царь Израильско-иудейского государства. Считается автором сборника псалмов (религиозных песен).

«Судьба ли так моя переменилась...» (стр. 79)

Анреп Юния Павловна (1880—1973) — приятельница Ахматовой. Жена Бориса Васильевича Анрепа, художника и художественного критика.

БЕЖЕЦК (стр. 92)

Бежецк — уездный город в Тверской губернии, где жил маленький сын Ахматовой.

ЛОТОВА ЖЕНА (стр. 97)

Содом — легендарный библейский город, сожженный за греховность его жителей павшим с неба огнем.

Лот — герой библейской легенды, известный своей праведностью. Согласно Библии, только Лота и его семью пощадил бог при наказании Содома.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ (стр. 104)

Лега — в древнегреческой мифологии река подземного царства. Умершие пили из этой реки и забывали земную жизнь.

МУЗА (стр. 105)

Дамте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт.

«Ад» — первая книга «Божественной комедии» Данте.

«Здесь Пушкина изгнание началось...» (стр. 107)

Бессмертный любовник Тамары — Демон, герой одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова.

«Одни глядятся в ласковые взоры. . .» (стр. 109)

Фонтанный Дом — бывший дворец Шереметевых на набережной реки Фонтанки. Здесь с 1926 по 1941 год жила Ахматова.

ПОЭТ (стр. 110)

Стихотворение посвящено Б. Л. Пастернаку и построено на мотивах его лирики.

Лаокоон — названная античными мастерами скульптурная группа, представляющая гибель троянского жреца и двух его сыновей.

«Годовщину последнюю празднуй. . .» (стр. 112)

Царские конюшни — Конюшенный двор между рекой Мойкой и Конюшенной площадью, рядом с Марсовым полем.

Гробницы внука и деда — Михайловский замок, в котором в 1801 году был убит Павел I, и церковь Спаса на крови, построенная на месте, где в 1881 году был убит Александр II.

ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941 ГОДА (стр. 120)

Меншиков дом — дворец А. Д. Меншикова, фаворита Петра I. Построен на Васильевском острове в Петербурге в 1710 году.

ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ (стр. 121)

Китеж — легендарный русский город, который спасся от разорения татарами, погрузившись на дно озера Светлояра. По преданию, в тихую погоду можно услышать звон китежских колоколов, а в глубине озера увидеть затонувший город.

Гофман Эрнст-Теодор-Амадей (1776—1822) — немецкий писатель-романтик.

Цусима — остров в Корейском проливе, возле которого произошло одно из самых драматических событий русско-японской войны 1905 года. В Цусимском сражении из 38 русских судов было потоплено 22 и 7 взято в плен.

«Варяг» — русский крейсер. Вместе с канонерской лодкой *«Кореец»* при попытке прорваться в Порт-Артур выдержал бой с 6 японскими крейсерами и 8 миноносцами. Команда *«Варяга»*, не желая сдаваться в плен, затопила крейсер. *«Кореец»* был взорван экипажем.

Форт Шаброль — дом на улице Шаброль в Париже, где собирались члены антисемитской группы, ложно обвинившие в шпионаже в пользу немцев французского офицера Дрейфуса, еврея по происхождению.

Буры — население североафриканских свободных республик, три года (1899—1902) боровшееся с оружием в руках против английских колонизаторов (англо-бурская война).

Схи́ма. — Посвященные в схи́му дают обеты более суровых монашеских правил, чем обычные монахи.

В поэме значительнейшие события начала XX века являются теми вехами, по которым автор возвращается к истоку своей жизни.

ПОЭТ (стр. 130)

Скерцо (итал.) — шутка. Музыкальная пьеса в быстром темпе.

ЧИТАТЕЛЬ (стр. 130)

Лайм-лайт (англ.) — осветительный прибор. Свет лампы.

ЭПИГРАММА (стр. 132)

Биче — Беатриче, возлюбленная Данте.

Лаура — возлюбленная Франческо Петрарки, великого итальянского поэта эпохи Возрождения.

УЧИТЕЛЬ (стр. 138)

Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909) — поэт, критик, филолог-классик, переводчик античных авторов. Поэзия Анненского оказала большое влияние на творчество поэтов-акмеистов.

НОХ. СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ (стр. 143)

Во время блокады в Ленинграде зарывали в землю статуи, чтобы спасти их от обстрелов.

«Щели в саду вырыты. . .» (стр. 144). «Постучись кулачком — я открою. . .» (стр. 144)

Стихотворения посвящены памяти мальчишки Вали Смирнова, соседа Ахматовой по Фонтанному Дому, погибшего во время бомбардировки Ленинграда.

«По той дороге, где Домской. . .» (стр. 167)

Домской Дмитрий (1350—1389) — московский князь, начавший вооруженную борьбу против татарских завоевателей. Он стал наступать на них по Коломенской дороге, на ю.-в. от Москвы. За победу на Куликовом поле на берегу Дона (1380 г.) был прозван Донским.

«И это станет для людей. . .» (стр. 168)

Веспасиан Тит Флавий (9—79) — римский император. Известен особой жестокостью в расправе с народными восстаниями. Разрушил Иерусалим.

«И сердце то уже не ответится...» (стр. 169)

Н. П. — Николай Николаевич Пунин (1888—1953). Искусствовед. Муж Ахматовой. Стихотворение написано на его смерть.

СМЕРТЬ СОФОКЛА (стр. 179)

Софокл (496—406 г. до н. э.) — древнегреческий драматург. Один из создателей классической трагедии.

АЛЕКСАНДР У ФИВ (стр. 179)

Александр Македонский (356—323 г. до н. э.) — крупнейший полководец древнего мира. Согласно легенде, разорив до основания греческий город Фивы (335 г. до н. э.), Македонский оставил в неприкосновенности лишь дом, в котором жил некогда поэт Пиндар (518—442 г. до н. э.).

ПАМЯТИ ПОЭТА (стр. 180)

Цикл посвящен Б. Л. Пастернаку.

Эдип — герой греческих сказаний и трагедий. По воле рока он совершил тяжкие преступления; узнав об этом, ослепил себя. Был изгнан из города и в сопровождении дочери Антигоны ушел в Колоны, где умер.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА (стр. 181)

Шагал Марк Захарович — современный живописец и график. Родился в Витебске в 1887 году. С 1922 года живет в Париже.

Чугунка — бытовое название первой в России царскосельской железной дороги.

Кирасир — воин тяжелой кавалерии, одетый в кирасу, нагрудные латы из железа или стали.

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА (стр. 185)

Морозова Феодосия Прокофьевна (ум. в 1675 г.) — одна из убежденных деятельниц раскола, религиозно-общественного движения в России XVII века, направленного против официальной церкви. Сторонница протопопа Аввакума.

Падчерица Ирода — красавица Саломея. Согласно церковной легенде, в награду за свою пляску потребовала у царя Ирода голову Иоанна Крестителя.

Дидона — мифическая основательница Карфагена (город-государство в Северной Африке). Сожгла себя на костре из-за неверности греческого героя Энея.

Жанна д'Арк — (1412—1431) — народная героиня Франции. Возглавила освободительную борьбу французского народа против англичан. Церковным судом была объявлена еретичкой и колдуньей. Сожжена на костре.

СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ (стр. 186)

Старая Русса — город в Новгородской губернии. Место действия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Оптина пустынь — место в Калужской губернии, где жил Серафим Саровский, ставший прообразом старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы».

Омский каторжанин — Ф. М. Достоевский.

Семеновский плац — место гражданской казни Достоевского в 1849 году.

Прозерпина — согласно античному мифу, дочь богини плодородия Деметры. Во время весенних плясок с подругами на цветущем лугу была похищена богом подземного царства Плутоном.

«Привольем пахнет дикий мед...» (стр. 198)

Наместник Рима — Понтий Пилат, приговоривший Христа к распятию. Как повествует христианская легенда, в знак невинности Пилат «омыл руки» перед народом.

Шотландская королева — леди Макбет. Виновица злодейских преступлений мужа, обезумев, пыталась в бреду смыть кровь со своих рук.

«Забудут? — Вот чем удивили...» (стр. 205)

Феникс — в мифологии древних народов птица, сгорающая в огне и возрождающаяся из пепла. Символ вечного обновления жизни.

НАСЛЕДНИЦА (стр. 206)

Фелица (лат.) — блаженство, мудрость, счастье. Обращение к Екатерине II. Впервые появилось в 1782 году в одноименной оде Г. Р. Державина.

«Если б все, кто помощи душевной...» (стр. 208)

Кузмин Михаил Алексеевич (1875—1936) — поэт и беллетрист, композитор. «Богаче всех в Египте» — цитата из «Александрийских песен» Кузмина.

«Не мудрено, что не веселым звоном...» (стр. 210)

Флегетон (греч.) — пламенный. Мифическая огненная река в преисподней, впадавшая в реку ужасов Ахерон (Стикс).

СОДЕРЖАНИЕ

Вс. Рождественский. Поэзия Анны Ахматовой

5

ИЗ КНИГИ «ВЕЧЕР»

«Молюсь оконному лучу...»	18
Читая «Гамлета»	
1. «У кладбища направо пылал пустырь...»	19
2. «И как будто по ошибке...»	19
Первое возвращение	20
Из цикла «В ЦАРСКОМ СЕЛЕ»	
II. «...А там мой мраморный двойник...»	21
III. «Смуглый отрок бродил по аллеям...»	21
«И мальчик, что играет на волынке...»	22
«Сжала руки под темной вуалью...»	23
«Память о солнце в сердце слабеет...»	24
«Дверь полуоткрыта...»	25
«Хочешь знать, как все это было?...»	26
Из цикла «ОБМАН»	
II. «Жарко веет ветер душный...»	27
III «Я написала слова...»	27
«Я пришла сюда, бездельница...»	29
Сад	30
Музе	31
Сероглазый король	32
Рыбак	33
«Мурка, не ходи, там сыч...»	34

ИЗ КНИГИ «ЧЕТКИ»

«...И на ступеньки встретить...»	36
«Безвольно пощады просят...»	38
«В последний раз мы встретились тогда...»	39
«Покорно мне воображение...»	40
«Проводила друга до передней...»	41
«Цветов и неживых вещей...»	42
«Он длится без конца — яитарный, тяжкий день!...»	43
«Я научилась просто, мудро жить...»	44
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»	45

«Вижу выпавший флаг над таможей...»	46
«Вечерние часы перед столом...»	47
Стихи о Петербурге	
1. «Вновь Исакий в облаченьи...»	48
2. «Сердце бьется ровно, мерно...»	48
«Знаю, знаю — снова лыжи...»	50
Венеция	51
«Я пришла к поэту в гости...»	52

ИЗ КНИГИ «БЕЛАЯ СТАЯ»

Уединение	54
Песня о песне	55
«Муза ушла по дороге...»	56
«Я улыбаться перестала...»	57
«Они летят, они еще в дороге...»	58
«Все отнято: и сила и любовь...»	59
«Нам свежесть слов и чувства простоту...»	60
«Черная вилась дорога...»	61
«Как люблю, как любила глядеть я...»	62
«И мнится — голос человека...»	63
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»	64
«Как площади эти обширны...»	65
Царскосельская статуя	66
«Все мне видится Павловск холмистый...»	67
«Вновь подарен мне дремотой...»	68
«Бессмертник сух и розов. Облака...»	69
Майский снег	70
«Зачем притворяешься ты...»	71
«Тот голос, с тишиной великой споря...»	72
Молитва	73
«Приду туда, и отлетит томленье...»	74
Памяти 19 июля 1914	75
«Перед весной бывают дни такие...»	76
«Широк и желт вечерний свет...»	77
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»	78
«Судьба ли так моя переменилась...»	79
«Как белый камень в глубине колодца...»	80

ИЗ КНИГИ «ПОДОРОЖНИК»

«Сразу стало тихо в доме...»	82
«Просыпаться на рассвете...»	83

«Я спросила у кукушки...»	84
«Это просто, это ясно...»	85
«Теперь никто не станет слушать песен...»	86
«По твердому гребню сугроба...»	87
Ночью	88
«На шее мелких четок ряд...»	89
«Мне голос был. Он звал утешно...»	90

ИЗ КНИГИ «ANNO DOMINI»

Бежецк	92
«Не с теми я, кто бросил землю...»	93
«Слух чудовищный бродит по городу...»	94
«Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...»	95
«За озером луна остановилась...»	96
Из цикла «БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ»	
Лотова жена	97
«Хорошо здесь: и шелест, и хруст...»	98
Сказка о черном кольце	99
«Небывалая осень построила купол высокий...»	101
«Пусть голоса органа снова грянут...»	102

ИЗ КНИГИ «ТРОСТНИК»

Надпись на книге	104
Муза («Когда я ночью жду ее прихода...»)	105
Художнику	106
«Здесь Пушкина изгнание началось...»	107
«Тот город, мной любимый с детства...»	108
«Одни глядятся в ласковые взоры...»	109
Поэт («Он, сам себя сравнивший с конским глазом...»)	110
«Годовщину последнюю празднуй...»	112
«Все это разгадаешь ты один...»	113
«И унало, каменное слово...»	114
Из цикла «РАСПЯТИЕ»	
«Магдалина билась и рыдала...»	115
Ива	116
«Когда человек умирает...»	117
Разрыв	
1. «Не недели, не месяцы — годы...»	118
2. «И, как всегда бывает в дни разрыва...»	118

3. Последний тост	119
Ленинград в марте 1941 года	120
Путем вся земля	121

ИЗ СБОРНИКА «СЕДЬМАЯ КНИГА»

Из цикла «ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»

1. Творчество	128
2. «Мне ни к чему одичавшие рати...»	129
3. Муза («Как и жить мне с этой обузой...»)	129
4. Поэт («Подумаешь, тоже работа...»)	129
5. Читатель	130
6. Последнее стихотворение	131
7. Эпиграмма	132
10. «Многое еще, наверно, хочет...»	133
«А в книгах я последнюю страницу...»	134
Пушкин	136
«Наше священное ремесло...»	137
Учитель	138

Из цикла «ВЕТЕР ВОЙНЫ»

Клятва	139
Первый дальний бой в Ленинграде	140
«Птицы смерти в зените стоят...»	141
Мужество	142
НОХ. Статуя «Ночь» в Летнем саду	143
1. «Щели в саду вырыты...»	144
2. «Постучись кулачком — я открою...»	144
«Важно с девочками простились...»	145
Победителям	146
«А вы, мои друзья последнего призыва!»	147
«Справа раскинулись пустыри...»	148
Причитание	149
Памяти друга	150
Вторая годовщина	151
Победа	
1. «Славно начато славное дело...»	152
2. «Вспыхнул над моим первым маяк...»	152
3. «Победа у наших стоит дверей...»	152
Из цикла «ЛУНА В ЗЕНИТЕ» (Ташкент 1942—1944)	
6. «Я не была здесь лет семьсот...»	153
8. «Как в трапезной — скамейки, стол, окно...»	153

СМЕРТЬ

1. «Я была на краю чего-то...»	155
2. «А я уже стою на подступах к чему-то...»	155
«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...»	156
«Это рысьи глаза твои, Азия...»	157

С САМОЛЕТА

1. «На сотни верст, на сотни миль...»	158
2. «Белым камнем тот день отмечу...»	158
3. «И весеннего аэродрома...»	158

Из цикла «ВЕРЕНИЦА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ»

«Ржавеет золото, и истлевает сталь...»	159
К стихам	159
«И было сердцу ничего не надо...»	159
«О своем я уже не заплачу...»	160

Три осени	161
---------------------	-----

«Все души милых на высоких звездах...»	163
--	-----

«Прошло пять лет, — и залечила раны...»	164
---	-----

Из цикла «ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ». (Из сожженной тетради)

«Вместо праздничного поздравленья...»	166
4. Первая песенка	166
5. Другая песенка	167
7. «По той дороге, где Донской...»	167
8. «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»	168
13. «И это станет для людей...»	168

«И сердце то уже не ответится...»	169
---	-----

Из цикла «ПОЛНОЧНЫЕ СТИХИ»

Вместо посвящения	170
4. Тринадцать строчек	170
5. Зов	171
Вместо послесловия	171

Из цикла «НЕЧЕТ»

Приморский сонет	172
Музыка	173
Летний сад	174

Городу Пушкина

1. «О, горе мне! Они тебя сожгли...»	175
2. «Этой нвы листы в девятнадцатом веке увяли...»	175

Рисунок на книге стихов	176
-----------------------------------	-----

Три стихотворения

1. «Пора забыть верблужий этот гам...»	177
2. «И в памяти черной пошарив, найдешь...»	177
3. «Он прав — опять фонарь, аптека...»	178

Античная страничка	
I. Смерть Софокла	179
II. Александр у Фив	179
Памяти поэта	
I. «Умоли вчера неповторимый голос...» .	180
II. «Словно дочка слепого Эдипа...» . . .	180
Царскосельская ода. Девятисотые годы . . .	181
Родная земля	183
Комаровские наброски	184
Последняя роза	185
Северные элегии	
Первая. Предыстория	186
Вторая. О десятих годах	188
Третья	189
Четвертая	190
Пятая	191
Шестая	192
«Земля хотя и не родная...»	194

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

«И жар по вечерам, и утром вялость...»	196
«О, знала ль я, когда в одежде белой...»	197
«Привольем пахнет дикий мед...»	198
Подвал памяти	199
Из цикла «ЮНОСТЬ»	200
Смерть («И комната, в которой я болею...»)	202
«De profundis... Мое поколение...»	203
Из цикла «ТАЙНЫ РЕМЕСЛА»	
«Не повторй — душа твоя богата...»	204
«Забудут? — Вот чем удивили!...»	205
Наследница	206
Надпись на книге («Из-под каких развалин говорю...»)	207
«Если б все, кто помощи душевной...»	208
Слушая пение	209
«Не мудрено, что не веселым звоном...»	210
ИЗ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ	
«Жить — так на воле...»	211
«Когда я называю по привычке...»	211
«Что войны, что чума? — конец им виден скорый...»	211
ПРИМЕЧАНИЯ	212

Для старшего возраста

АХМАТОВА АННА АНДРЕЕВНА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Ответственный редактор Н. П. Крышук.

Художественный редактор Б. Г. Смирнов.

Технический редактор Т. С. Тихомирова.

Корректоры В. Г. Шишкина и Л. Л. Бубнова.

ИБ 1448

Сдано в набор 19/IV 1977 г. Подписано к печати 9/VIII 1977 г. Формат $70 \times 100^{1/32}$. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 5,396. Тираж 75 000 экз. М-26536. Зак. № 363. Цена 45 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Ахматова А. А.

А 95 Избранная лирика. Рис. В. Бродского.
Составл. и примеч. Л. Солдатовой. Л., «Дет.
лит.», 1977.

223 с. с ил. (Поэтическая библиотечка школь-
ника.)

Избранная лирика Анны Ахматовой.

45 коп.

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»